

«Чистка» высшей школы Юга России 1924 года: предпосылки, ход, итоги

Научный руководитель – Смагина Светлана Михайловна

Любезный Илья Витальевич

Студент (магистр)

Южный федеральный университет, Институт истории и международных отношений,

Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: ilya.lyubeznyi@yandex.ru

1920-е годы — это время сложных перипетий, политических столкновений и споров о путях строительства «нового мира». Поэтому неслучайно долгое время все внимание историков было приковано к сюжетам противостояния в «верхах» партии и персонифицированной борьбе за личную власть, наряду с постижением проблем НЭПа. Сегодня, благодаря использованию новых междисциплинарных подходов, расширению источниковой базы, под научный анализ попадают совершенно иные аспекты истории 20-х годов. На первый план выступает поведенческая история рядовых граждан: их повседневные заботы, мысли и чувства, стратегии выживания и способы участия в процессе трансформации общества и государства. Одной из самых важных и активных составляющих социума молодого советского государства было студенчество, традиционно отзывчивое на радикальные идеи. Ведь именно оно, содержа в себе частички всех общественных групп [1, с.343], должно было стать строителем социализма. Поэтому и представляется актуальным рассмотрение путей взросления и становления молодого раннего советского гражданина, способное приблизить нас к расшифровке самого феномена «советский человек».

Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. двери высшей школы были открыты для всех желающих, а в 1922 г. закреплён курс на её «пролетаризацию». Одновременно стала очевидна недостаточность материальной базы для обучения такого огромного количества желающих. Внутрипартийная дискуссия 1923 г. показала, что студенчество, активно поддерживавшее оппозицию и Л.Д. Троцкого, так и не стало верной опорой власти. Совокупность этих факторов и привела к решению о проведении в стране «чистки» университетов летом 1924 г. от «балластов» и социально-чуждых элементов.

Цель исследования - реконструировать процесс «чистки» высших учебных заведений Юга России 1924 г., выявив его предпосылки, охарактеризовав ход и реакции на него самих студентов, проследить взаимосвязь с ходом «чистки» по всей стране. Основой источниковой базы исследования выступают материалы краевой и местных комиссий по академической и качественной проверке ВУЗ'ов Юго-Востока, отложившиеся в фондах Государственного архива Ростовской области: инструктивные письма Наркомпроса и поправки к ним, протоколы и отчеты проверочных «троек», опросные листы, жалобы и доносы студентов.

Материальное положение студенчества Юга России, как и материально-техническая база самих ВУЗов, всю первую половину 1920-х годов находилось в ужасном состоянии, хотя для исправления ситуации и предпринимались разного рода меры. Так, в отчете о работе комиссии по академической проверке Медицинского факультета Донского государственного университета сообщалось, что факультет перегружен более чем на 75%, а студенты, «в борьбе за существование», дают уроки в ущерб собственной учебе [2, л.3]. В целях помощи студенчеству даже организовывались специальные «недели помощи», ход которых широко освещался в местной прессе [3]. Во внутрипартийной дискуссии 1923/24 г. студенчество и молодёжь Дона, если верить официальным сводкам, на собраниях сурово клеймила «троцкистскую оппозицию» [4, с. 61], выступала в краевой печати с критикой

Л.Д. Троцкого [5] и «выступала против ошибочной позиции» Краснодарского комитета РКСМ [4, с.61]. Однако случай поддержки оппозиции среди ВУЗовской молодежи на Дону все же зафиксирован, хотя и назван «инцидентом», а единственная на всю область оппозиционная резолюция «сознательно утеряна» [7, с.80]. Сами ВУЗы на страницах местной партийной печати все еще воспринимались, как «буржуазные крепости», которые еще необходимо завоевывать [8, с.25]. Да и само студенчество, несмотря на все усилия государства, все еще состояло из чуждых элементов. Так, всего 35% студентов ДГУ имели рабоче-крестьянское происхождение [6, л.11], а в Донском ветеринарном институте имелось «явно-белогвардейское студенчество» [6, л.13].

Проведение «чистки» четко регламентировалось специальными инструкциями, рассылаемыми Наркомпросом. Указывался график проведения слушаний покурсно, график подачи апелляций, давалась разверстка на необходимое в процентном соотношении число «вычищенных», присылались опросные листы [9, л. 180, 183, 184,]. В процессе чистки Наркомпрос присылал корректировки в сроках проведения, акцентировал на необходимость бережного отношения к некоторым группам учащихся.

В архивных фондах пока еще не удалось найти прямых свидетельств о сопротивлении студенческой массы «чистке». Но некоторые красноречивые факты все же известны. К примеру, профессор ДПИ Белявский покинул комиссию на первом же заседании из-за исключения студента Фон-Дитмара, особо успевающего в академическом плане, но являвшегося элементом «социально чуждым и антиобщественным» [2, л.16]. Местные комиссии выступали против восстановления значительного числа отчисленных Краевой комиссией [2, л.16], а порой и правления университетов заступались за своих студентов, требуя их восстановления. Недовольные студенты писали доносы на скрывавших свое «белое» прошлое коллег [9, л. 42]. И наоборот, сознательное студенчество проявляло бдительность и стремилось донести, что «чистка» играет на руку лишь буржуазии [9, л. 38]. В большинстве же апелляций студентами использовалась одинаковая стратегия самооправдания: ссылка на тяжелое материальное положение, трудовое прошлое (и настоящее), участие в борьбе за установление советской власти [9, л. 168, 179, 232]. Самый крупный ВУЗ, - ДГУ, - потерял до 1050 студентов, от общего числа 2998. 192 из них были отчислены по «политическому» § 8 инструкции [11, л.106]. Наиболее пострадавшим оказался Медфак ДГУ, потерявший 455 студентов [10, л.7-8,23-26,]. С первых заседаний заявлявший о необходимости строго классового подхода председатель комиссии Розин вполне достиг своих целей.

В итоге, можно заключить, что ситуация в высшей школе Юга России в 1924 году во многом была схожа с общесоюзной: «перегруз» учащейся массой, тяжелейшее материальное положение ВУЗов и его подопечных, отставание по темпам «пролетаризации» студенчества, неоднозначные политические итоги недавней внутрипартийной дискуссии. Совокупность этих факторов и привела к необходимости «чистки». Ход её и итоги аналогично схожи с процессами в центре. Циркулярно управляемая из центра она имела свою некоторую специфику от университета к университету. Во многом суровость подхода к студентам зависела и от председателя местной комиссии. Материалы доносов и обращений студентов позволяют сделать вывод о существовании явного антагонизма в рядах молодежи. А изучение апелляций позволяет сформировать некий образ «идеального советского студента», который старались экстраполировать на себя отчисляемые в надежде остаться в стенах университета. Наиболее важная часть этого образа - сознательность, общественная активность, годы тяжелого труда и вооруженная борьба за советскую власть. Именно такие апелляции и оказывались выигрышными.

Источники и литература

1. Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т. 7.
2. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 192.

3. Советский Юг. 1923.
4. Очерки истории партийных организаций Дона. Часть вторая: 1921-1971. - Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1973.
5. Трудовой Дон. 1924.
6. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 196.
7. Горбунов. Итоги дискуссии на Дону // Коммунист. Ежемесячный орган Ю.-В. Бюро ЦКРКП(б) и Донского комитета РКП(б). - 1924. - №5-6.
8. Бахмутский Н. Роль и значение профсекции ВУЗ // Коммунист. Ежемесячный орган Ю.-В. Бюро ЦКРКП(б) и Донского комитета РКП(б). - 1923. - №11.
9. ГАРО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 203.
10. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 193.
11. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 179.